

Пищемуха В.Г.,

к. и. н.,

*доцент кафедры искусствоведения и
общегуманитарных дисциплин*

Международного гуманитарного университета

ВОНА VACANTIA¹ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В данной статье рассмотрены некоторые аспекты последствий Первой мировой войны, а также её исторические уроки. Автор делает акцент на изучении объективных и субъективных предпосылок нарушения стабильности международных отношений и мира в Европе между двумя мировыми войнами, а также формирует ассоциативное понимание связи истории с современностью.

Ключевые слова: Первая мировая война, международные отношения, проблема справедливости Версальского договора, проблема выполнения мирных договоров.

*Ни один мирный договор не
должен считаться таковым,
если при его заключении
была сохранена скрытая
возможность новой войны.*

Иммануил Кант («О вечном мире»)

*Снорри был самым умным
человеком в Исландии из тех,
кто не мог предвидеть будущее.*

Исландские саги («Сага о Ньяле»)

I

В эпилоге романа фронтовика Э.М.Ремарка «На Западном фронте без перемен» в различных эмоциональных и смысловых контекстах пятикратно повторяется пронзительный рефрен «Лето 1918 года...». Это было томительное время, когда в середине июля Людендорф еще попытался возобновить наступление на Марне, но все уже знали, что 3 июня у Шато-Тьерри в бой вступили американские войска, численность которых в Европе нарастает с каждым днем, и скоро неизбежно начнется генеральное наступление союзников — война заканчивается.

В те «летние дни, непостижимо прекрасные, все в золоте и синеве...», по обе стороны линии фронта стремительно нарастало ощущение приближающегося окончания войны и страстное желание выжить: «Никогда еще наша жизнь с ее скупо отмеренными радостями не казалась нам такой желанной, как сейчас ...О жизнь, о жизнь!» (Э. М. Ремарк).

¹ Невостребованное наследие, бесхозное имущество

Но очень скоро после церемонии 11 ноября 1918 г. в Компьенском лесу, на смену счастливому чувству окончания войны пришли тягостные заботы послевоенного обустройства личной жизни, возрождения экономики, решения острейших социально-политических конфликтов. Тем не менее, в сознании большинства европейцев, независимо от национальности и социального положения доминировало настроение, которое формулировалось короткой фразой: «Это не должно повториться!».

Именно в подобных условиях очередного европейского кровопускания и рождались, как правило, очередные проекты «вечного мира». Но оригинальность ситуации на момент окончания Великой войны состояла в том, что появился целый ряд новых факторов, которых раньше не знала послевоенная Европа. Историческая наука пытается осмыслить эти глубинные различия и учесть их в разработке истории XX века: «Раньше пристальный интерес историков вызывали территориальные, демографические, экономические изменения, обусловленные войной. В настоящее время их внимание привлекают уже другие проблемы, и ощущается это даже на терминологическом уровне: вместо «последствий» теперь чаще используют термин «наследие»... Суть перемен... заключается в том, что главным объектом внимания науки стали люди...» [1, 51].

Изучение процессов, происходивших в сознании европейцев под влиянием военных потрясений свидетельствует, что произошло резкое усиление, по сравнению с довоенным периодом, антивоенных настроений, значительно упал уровень и уменьшилась острота национального чувства масс и враждебности между народами-нациями, которым успешно манипулировали правящие круги, произошло ослабление традиционного национализма и началось его самоубийственное сближение и перерастание в фашизм.

Эти выводы могут показаться сомнительными с точки зрения некоторых фактов. Во-первых, жестким отношением общественного мнения народов-победителей к Германии, на которое сослались авторы Версальского мирного договора. Например, Ллойд-Джордж в своих мемуарах неоднократно упоминает это обстоятельство: «Во время

конференции в Париже ни один человек в Англии не поднял голоса за смягчение условий, которые договор налагал на побежденных. На протяжении всего хода конференции меня обвиняли в том, что я обманул доверие английских избирателей, позволил Германии легко отделаться»[2,87]. Во Франции жесткое давление на Клемансо по вопросу о немецких репарациях осуществлялось под популярным среди масс лозунгом «L'Allemagne paie!» («Германия заплатит!») и т.д. Но эти настроения, действительно распространенные в первые послевоенные годы, были, прежде всего, проявлением не национальной вражды к немцам, а жаждой справедливого наказания виновника войны и стремления смягчить тяготы жизни за его счет. Не случайно столь популярной была в 1918-1919 гг. идея суда над кайзером, непосредственными виновниками зверств в Бельгии и жестокости тотальной подводной войны. Свершись тогда это международное правосудие, возможно, было бы меньше работы для Нюрнбергского трибунала.

Вторым доводом против утверждения о начавшемся угасании европейского национализма в ходе Великой войны может быть националистический подъем в фашистских странах. Но в Италии фашистское движение зародилось и пришло к власти не на волне национализма, а в результате послевоенного хаоса и социальных потрясений (захват в 1919 г. скадристами Д'Аннунцио города Фиуме было скорее политическим артефактом и провокацией, чем воплощением массового настроения итальянцев). В своей работе «Идеи фашизма» (1924) один из идеологов итальянского фашизма Массимо Рокка в связи с этим отмечал: «И пусть враждебные фашизму идеологии не строят себе никаких иллюзий: если когда-либо фашизм падет, на месте его сейчас же возникнет аналогичное движение, ибо это будет отвечать непреодолимым потребностям нашей эпохи, потребности не только итальянской, но латинской и даже европейской, которая сводится к жажде дисциплины, религии, уверенности, народившейся на свет в результате длительной оргии свободы, критики, всяких сомнений и шатаний»[3]. Лишь после утверждения фашистской системы Муссолини начал поднимать в стране волну националистической истерии.

В Германии усиление массовых националистических настроений, значительно ослабившихся во время войны, началось лишь после финансово-экономических потрясений 1923 и 1929 гг. Но даже в самые триумфальные годы гитлеризма национальное опьянение не достигло степени массовости 1914 г. Современник той эпохи свидетельствовал: «Поколение солдат почти не дало настоящих нацистов, среди них гораздо больше «ворчунов да молчунов», что вполне понятно, по-

тому что тот, кто действительно прошел войну, вряд ли станет воспринимать ее так. (Исключения бывают...: есть вечные вояки, для которых военная действительность со всеми ее ужасами — самая подходящая среда, и они ее ищут потом вновь и вновь, и есть вечные «неудачники», которых эти ужасы и разруха только радуют; так они мстят жизни, в которой не сумели ничего добиться. К первому типу, видимо, принадлежит Геринг, ко второму — определенно Гитлер). Но в целом поколение нацистов — это те самые люди, которые родились в первом десятилетии века, с 1900 по 1910 год, и войны как таковой не видели, восприняв ее только как большую игру»[4].

Наряду с глубинными изменениями в психологии народов Европы, в их сознании, особенно среди интеллектуалов и политиков, все отчетливее проявлялось осознание угрожающего цивилизационного кризиса, а также опасности со стороны большевистского режима и лево-правого радикализма.

Все эти обстоятельства, с одной стороны, требовали принятия адекватных решений, с другой, создавали предпосылки нестандартного подхода к послевоенному упорядочению европейского континента.

Как и после каждой общеевропейской войны, первостепенное значение имела стабилизация системы международных отношений, которые всегда приобретают совершенно новую конфигурацию, соответствующую послевоенным реалиям. Но особенность Европы в 1918 г., в отличие от 1648 или 1814, состояла в том, что не просто другой стала расстановка сил, а качественно иной, на несколько порядков более сложной и относительной стала не только картина физического (А.Эйнштейн) или психологического (З.Фрейд) мира, но и вся сфера международных отношений.

Можно выделить следующие факторы, повлиявшие в первую очередь на усложнение международных отношений.

Первый. Появление на международной арене большевистской России, что дополнило традиционные межгосударственные противоречия еще и идейно-классовой борьбой.

В истории международных отношений 20-30-х гг. нет почти ни одного события, которое не было бы деформировано этим обстоятельством. Сетуня на американо-французское потакание «ничем не сдерживаемой» алчности Польши относительно Галиции, Ллойд-Джордж оправдывает это, скрепя сердце тем, что «поляки боятся большевистского вторжения при германском потворстве». Значительная часть трагических ошибок государственных деятелей Запада в области международных отношений в тот период была в немалой степени

обусловлена именно ужасом перед большевизмом. Как выразился чешский писатель Карел Чапек в романе-памфлете «Война с саламандрами» (1936): «Лучше саламандры, чем социалисты». Именно этой логикой руководствовались правительства западных демократий, предав республиканскую Испанию, а также руководители Чехословакии и Польши, отказавшись пропустить советские войска через свою территорию для защиты от фашистов. Знаменитая французская журналистка Женевиєва Табуи (1892 — 1985) описала драматическую ситуацию августа 1939 г. и окончательный ответ польского посла в Париже на просьбу французского правительства о проходе войск СССР к германской границе: «Поручили бы вы немцам охранять Эльзас-Лотарингию?» [5,454].

Второй. Усиливающееся присутствие на международной арене фашистских государств.

Если по отношению к большевикам Европа очень скоро поняла, что имеет дело с принципиально новым и абсолютно чуждым всем ее традиционным ценностям явлением, то Муссолини и Гитлер долгое время казались всего лишь enfant terrible (фр.- сорванец, трудный ребенок) европейского политикума. Откуда людям XIX в. было знать, что за монстры, «чужие» появились на исторических подмостках в XX веке? «Где тот историк, сумевший предсказать появление Гитлера!» — риторически спросил Элиас Канетти в своей работе «Правитель и власть».

Истинная природа фашизма и его вождей станет понятной позже, когда поезд истории уйдет в прошлое, оставив за собой руины европейских городов, братские могилы и пепел концлагерей. Говорят, что главные книги жизни надо читать вовремя. Но что делать, если такие книги, как «Говорит Гитлер» (1941) и «Зверь из бездны» (1940) Германа Раушнинга или «Застольные разговоры Гитлера» (1951) Генри Пикера появились с опозданием. Остается лишь согласиться с Борисом Пастернаком:

Однажды Гегель ненароком,
А может даже наугад
Назвал историка пророком,
Предсказывающим назад.

А ведь Гитлер еще в 1925 г. в «Майн кампф» откровенно предупредил европейцев о том, что им готовит фашизм. Почему этот экзальтированный бред не был принят всерьез? Ж.-Б. Дюрозель отвечает: «Одна из ироний истории в том, что демократия приучила своих граждан к тому, что избирательные программы были просто формальностью, которая исчезала после выборов. Полагали, то же самое будет при Гитлере...Результатом явилось то, что британский премьер-министр Н.Чемберлен обнаружил 15 марта 1939 г., что

«Гитлер не джентльмен» [6]. Кстати, подобное откровение в отношении Гитлера сделает утром 22 июня 1941 г. в Москве еще один «не джентльмен».

Третий фактор усложнения международной жизни — начало процесса влияния внеевропейских факторов в лице США.

Эта великая страна в конце XIX в. только начала процесс самоосознания, самоутверждения и поиска собственной идентичности. Хотя уже появилась книга Фредерика Тёрнера «Фронтир в американской истории», создавшая основу американского исторического мифа, хотя уже в произведениях С.Льюиса, Т.Драйзера и Дж. Лондона американская литература начала освобождаться от европейского влияния и приобретать свой оригинальный облик, хотя уже два фининсиста из Питтсбурга Генри Фрик и Эндрю Меллон начали свозить в США произведения европейской живописи, которые позже создадут славу американским музеям, Америка оставалась культурной провинцией без полноценного исторического прошлого. Именно это имел ввиду Ж. Клемансо, когда в начале XX в. на вопрос журналистов о своих впечатлениях от поездки в Америку ответил, что это странная страна, которая от варварства перешагнула к декадансу, минуя цивилизацию.

Клемансо не преминул подчеркнуть историческое первородство Европы и в ходе Парижской мирной конференции, произнеся в ответ на поучительно-проповеднический тон В.Вильсона «одну из самых блестящих реплик» (Ллойд-Джордж). Речь шла о восстановлении выгодной для Франции границы 1814 г. в Саарской области. Возражая, Вильсон заявил: «Это было сто лет назад, а сто лет — очень долгий срок». «Да,- ответил Клемансо,- очень долгий срок для истории Соединенных Штатов» [2, 197].

Правда, американцы быстро устранили культурное отставание и уже могли кое-что предложить европейцам. В первом случае, с легкой руки американской писательницы Гертруды Стайн (1874-1946), которая с 1902 г. жила в Париже, этот город стал центром паломничества формирующейся американской культурной элиты. Через него прошли Ш.Андерсен и Э.Хемингуэй, Ф.С.Фицджеральд и Т.Уайлдер, Г.Миллер и У.Фолкнер, Т.Вулф и Дос Пассос — большинство из тех американских писателей, которые ввели ее в круг мировой культуры XX века. Во втором, в 20-е годы Европа отводила душу от войны, танцуя заимствованные из Америки экзотические и шокирующие старшее поколение чарльстон и шимми, она открыла для себя джаз и любовалась фантастической танцовщицей Джозефиной Бейкер (1906-1975), создавшей в 1925 г. артистическую

группу «Ревю негр». На экранах европейских кинотеатров с огромным успехом шли фильмы Ч. Чаплина, а изображение жителей Старого континента пленяли рассказы о небоскребах Нью-Йорка. В Европе начал утверждаться американский миф о земле обетованной, которая обещает спасение от нищеты и европейских катаклизмов.

Наблюдая за начавшейся в Европе войной, США полагали, что им удастся ограничиться ролью поставщика товаров и кредитора, рассчитывали на усиление своего влияния в послевоенном мире. Посол США в Лондоне У.Х. Пейдж с удовлетворением писал в августе 1914 г. в Вашингтон о предстоящем «банкротстве Европы» и восхитительных перспективах, открывавшихся в связи с этим перед США [7, 194]. Но события сложились так, что им не только пришлось включиться в войну, но и выступить главным посредником и миротворцем в запутанных европейских международных отношениях. Это льстило самолюбию молодой мировой державы, но требовало также политического опыта, мудрости и ответственности. Президент В. Вильсон оказал значительное влияние на процесс и решения Версальской конференции, но когда пришло время обеспечить их соблюдения, США укутались в свой изоляционизм, лишь изредка совершая политические вылазки в Европу в виде планов Дауэса и Юнга или романтического пакта Бриана-Келлога. Но эти эпизодические вмешательства в европейские международные отношения лишь сеяли неоправданные надежды и увеличивали степень неопределенности стремительно выходящей из-под контроля ситуации.

Если к указанным факторам, многократно усложнившим систему международных отношений в Европе, добавить амбиции и фобии возникших после распада Российской и Австро-Венгерской империй новых государств, обострение социально-политических конфликтов в большинстве европейских стран и невиданные ранее экономические кризисы и инфляцию, становится очевидным, что прежний инструментарий упорядочения послевоенного мира и стратегического планирование его развития на перспективу окажется непригодным.

В книге «Взгляд на современный мир» Поль Валери констатировал: «Политический феномен нашей эпохи состоит в ее беспримерном усложнении, или скорее — в перемене порядка вещей. Современный мир, к которому мы, люди и народы принадлежим, не подобен обликом тому миру, который был нам знаком. Система причин, которая определяла участь каждого из нас, впредь всеохватывающе распространяется на весь земной шар, целиком резонируется в каждом потрясении... поведение современного человеческого мира

больше нисколько не соответствует прежней исторической геометрии и политической механики» [8, 63 — 64, 67].

Потеря людьми контроля над международными процессами ярко проявилась в процессе июльского кризиса 1914 г., данная тенденция продолжала усиливаться в ходе войны и после ее окончания. Это явилось следствием явления, которое американский социолог У. Огборн в начале 20-х годов назвал «культурным лагом» (англ. lag — задержка, отставание). С помощью этого понятия описывается ситуация, когда различные сферы целостной человеческой культуры начинают развиваться крайне неравномерно и одна из них запаздывает в своем движении. Ярким проявлением культурного лага является случай, когда духовная культура не успевает приспособиться к стремительно и неконтролируемо изменяющейся материальной культуре или когда научно-технический прогресс выходит за пределы человеческой этики, как в случае с клонированием живых организмов.

Размышляя в подобном ключе о мировой войне и Версальском договоре, английский историк Р. Дж. Коллингвуд (1889 — 1943) пришел к выводу, что «... война была и беспрецедентным позором для человеческого разума... Она возникла потому, что ситуация вышла из-под контроля. А пока она продолжалась, люди все более и более теряли контроль над событиями. Когда был подписан мирный договор, ситуация стала еще более управляемой... гигантское усиление с 1600 г. контроля человека над природой не сопровождалось соответствующим усилением его контроля над людскими делами» [9, 373 — 374].

Ситуация, сложившаяся в Европе после войны, требовала свежих, нетривиальных идей и государственных деятелей, которые были бы адекватны вызовам новой эпохи. Сопоставляя проблемы, которые требовалось решить на Парижской конференции, с возможностями ее ведущих участников, знаменитый французский историк Поль Ренувен с горечью констатировал: «Она потребовала широты взглядов, глубокого понимания экономических вопросов, способности долгосрочного предвидения, чем ни один не мог похвастаться, что он этим владеет» [10, 743].

Окончание мировой войны большинство государственных деятелей Европы встретило в довольно преклонном возрасте и, что еще более важно, по своему социальному происхождению, жизненному опыту и стилю мышления они были из той эпохи, которая резко оборвалась в 1914 г. Ж. Табуи, благодаря родственным связям с видными французскими дипломатами Полем и Жюлем Камбонами, была вхожа в европейский политический бомонд и могла наблюдать его в качестве

журналистки изнутри. Когда читаешь книгу ее репортажей «Двадцать лет дипломатической борьбы», охватывающей период 1919-1939 гг., чувство горечи и безысходности появляется не только от понимания фатальности развивающихся событий, но и в результате ярко высвеченного автором несоответствия государственных деятелей сложности окружающего их нового послевоенного мира. Так, рассказывая об участии ведущих французских политиков А.Бриана и Л.Лушера в работе Лиги Наций, Ж.Табуи не скрывает иронии: «Будучи оба крупными земельными собственниками, они уделяют много внимания своим фермам. Оба любят поспорить о своих телятах и об увеличении поголовья своих коров!» [5, 56 — 57]. Аристид Бриан во второй половине 20-х годов попытался вырваться на уровень стоящих перед Европой и Францией проблем, но это был единственный пример.

II

На какой исторический опыт могли опереться лидеры Европы и других стран, собираясь в Париже для подведения черты под войной, какими политическими концепциями и международно-правовой базой они располагали?

Исторический опыт учил, что после каждой войны победитель стремился в максимальной мере закрепить свои интересы в форме международных договоров, навязывая побежденному свою волю, чему тот, естественно, сопротивлялся, используя инструмент компромиссов или играя на коллизиях в лагере победителей. Блестящий пример такой тактики — поведение Талейрана на Венском конгрессе, «где он упорно и успешно отстаивал — и отстоял — интересы своего отечества от целого полчища врагов, и притом в самых трудных, казалось безнадежных, обстоятельствах, в каких только может оказаться дипломат» [11, 60]. «Талейран тут разыгрывает министра Людовика XIV» — воскликнул тогда раздраженный таким нахальством Александр I.

Традиционной гарантией сохранения послевоенного status quo был набор средств от клятв и предоставления знатных заложников до создания международных союзов и коалиций, участники которых брали на себя обязательства о взаимопомощи.

Наряду с этим, издавна существовала идея создания некоего международного института, который выполнял бы координирующие и арбитражные функции. Такую роль, отчасти, в средние века играли Вселенские соборы, она красной нитью проходила через большинство проектов «вечного мира» и была важным компонентом идеологии пацифистского движения к XIX — нач. XX вв. В конечном счете это привело к созданию в ре-

зультате работы Гаагских конференций 1899 и 1907 гг. арбитражного суда, заключения ряда конвенций и серии двусторонних межгосударственных арбитражных договоров.

Активное развитие международного права в десятилетия, предшествовавшие мировой войне, создало оптимистическое впечатление возможности стабилизации международных отношений на основе разума, справедливости, гуманизма и с помощью четких международных соглашений. Так, известный участник международного движения за мир в нач. XX в. русский международник Л.А.Комаровский полагал: «Не вечный мир, о котором мечтают идеалисты, но мир юридически организованный и охраняемый есть реальная и вместе с тем совершенно необходимая задача человечества» [12, 135].

Готовясь к Версальской конференции, лидеры Запада не могли игнорировать демагогические, как это довольно скоро стало очевидным, но тогда весьма впечатляющие лозунги большевиков об отказе от тайной дипломатии и международном признании права народов на национальное самоопределение. Авторитетно перехватить эти идеи Ленина мог только президент США В.Вильсон, свободный от взаимной подозрительности и недоверия среди европейских наций, и не обремененный европейским скепсисом к примитивному идеализму. Эти идеи были использованы В.Вильсоном в его «14 пунктах» и применены в процессе выработки мирного договора с Германией и ее союзниками.

Самой резонансной новаторской идеей американцев на конференции было предложение о создании всеобщей ассоциации наций «с целью предоставления взаимных и одинаковых гарантий политической независимости и территориальной целостности как больших, так и малых государств» (п. XIV). Происхождение этой идеи, которая в 1919 г. была оформлена в виде Лиги Наций, как уже было отмечено, уходит в средние века, а вот относительно авторского приоритета возникла полемика между американцами и европейцами. Учитывая последующие печальные результаты существования Лиги Наций, этот спор имел курьезный характер: кто первый предложил одно из наиболее противоречивых решений Версальской конференции.

Содержание спора состояло в следующем. С 1914 по 1918 год включительно Нобелевская премия мира не присуждалась, за исключением 1917 г., когда она была вручена Международному комитету Красного Креста. Впервые после войны эта премия, получившая к тому времени большую известность, была присуждена В.Вильсону, который прослыл как главный миротворец и

пользовался огромной популярностью среди европейцев во время своего участия в работе Парижской конференции. Ни Клемансо, ни Ллойд Джордж Нобелевскую премию мира так и не получили.

Многие европейские политики считали, что мировая слава В. Вильсона чрезвычайно преувеличена, как и роль США в победе над Германией. Ллойд Джордж писал в своих мемуарах: «Сторонники президента Вильсона и его присяжные защитники уже не раз высказывали нелепое утверждение, будто Англия, Франция и Италия вынуждены были принять проект Лиги Наций только по настоянию президента Вильсона: европейские державы проявляли — де упорное нежелание и даже оказывали сопротивление этому проекту... В интересах исторической правды и простой справедливости по отношению к оклеветанной Европе, которая так искренне боролась и так жестоко пострадала в борьбе за свободу и прогресс, как ни один другой континент на земном шаре, необходимо рассказать подлинные факты о возникновении проекта Лиги Наций» [2, 515].

Далее британский премьер с помощью фактов доказывает, что еще в 1917 г. британские и французские политики детально проработали идею Лиги Наций и посвятили в нее своих американских союзников.

Этот спор, если отстраниться от проблемы приоритетов, интересен тем, что в связи с ним всплывает имя лорда Уолтера Филлимора, которому Ллойд Джордж поручил в начале 1917 г. возглавить комиссию по разработке плана создания Лиги Наций. В процессе выполнения этого поручения 72-летний юрист написал весьма примечательную книгу «Три века мирных договоров» (1917). В ней У. Филлимор обобщил огромную международно-правовую практику подведения итогов войны и последующего обеспечения мира. Автор надеялся, что на этот раз европейским политикам удастся избежать ошибок своих предшественников и наконец-то установить в Европе прочный и длительный мир.

Этого страстно хотели почти все европейцы и к этому искренне стремились государственные деятели, которые во всеоружии исторического опыта и достижений международного права собрались в январе 1919 г. в Париже.

Первое условие прочного мира — его справедливость. За этим моральным критерием кроется как великодушное отношение к побежденному, так и рациональный учет всей суммы территориальных и материальных интересов договаривающихся сторон.

Участники Парижской конференции, особенно Вильсон, многократно заявляли о своем стрем-

лении к установлению справедливого мира со своими противниками, они прекрасно понимали возвратную природу древнего правила окончания победоносной войны «горе побежденному», согласно которому врагу оставляют только слезы. Но практическое воплощение принципа справедливости всегда требует взаимного согласия сторон в его трактовке и умелого воплощения в механизме переговоров и тексте договора. На Парижской конференции этого достичь не удалось.

Как известно, немцы подписали 11 ноября 1918 г. Компьенское перемирие, приняв за основу одобренные Антантой общие положения «14-ти пунктов» и рассчитывая принять участие в процессе выработки основного текста мирного договора, как это имело место, например, на Венском конгрессе с побежденной Францией. Но этого не произошло, договор разрабатывался без них, поскольку союзники даже между собой с огромным трудом находили взаимопонимание. В итоге, когда 7 мая 1919 г. в Трианонском дворце Версаля они получили текст мирного договора, это вызвало демарш главы германской делегации: ответ графа Брокдорф — Ранцау был прочитан сидя, что вызвало возмущение присутствующих. В своей речи германский представитель прямо обвинил победителей в несправедливом отношении к Германии: «Мы стоим теперь перед конференцией в полном одиночестве: у нас нет союзников, а противники наши многочисленны. И все же мы не беззащитны. Вы сами дали нам союзника — Справедливость. Вы гарантировали нам этого союзника в соглашении об основах мира» [2, 576].

Особенно страстные возражения против несправедливости договора немецкая делегация высказала в отношении ст. 231, которая, по их мнению, объявляла Германию единственным виновником войны: «Союзные и объединившиеся правительства заявляют, а Германия признает, что Германия и ее союзники ответственны за причинение всех потерь и всех убытков, понесенных союзными и объединившимися правительствами и их гражданами вследствие войны, которая была им навязана нападением Германии и ее союзников».

В 1932 г. французские историки П.Ренувен и М.Блок доказали, «используя архивные материалы мирной конференции, что появление этой статьи в договоре объяснялось исключительно желанием союзников создать юридическое основание для взыскания с Германии репараций, а отнюдь не соображениями нравственного порядка» [1, 45]. С этим выводом вполне можно согласиться уже хотя бы потому, что следующая 232 и ряд последующих статей, логически связанные со ст. 231, скрупулезно фиксируют условия, порядок и размеры подлежащих к выплате Германией

репараций и не содержат никаких политических или моральных элементов.

Еще до подписания Версальского договора в Германии появился т.н. «меморандум четырех профессоров», среди которых был великий немецкий социолог и историк, член немецкой делегации на Парижской конференции Макс Вебер. Авторы этого документа положили начало одной из наиболее длительных, острых и общественно-политически значимых исторических дискуссий в XX в., которая будет продолжаться несколько десятилетий. В период между двумя мировыми войнами ее драматизм и практическая значимость определялись тем, что ст. 231 была, с одной стороны, лишь формальным предлогом выяснения отношений между не примирившимися врагами, с другой — для всех немцев она была символом несправедливости Версальского договора в целом, а для реваншистов еще и средством разжигания националистической истерии и дискредитации всей Версальской системы.

Общая оценка немцами Версальского договора, как несправедливого, придала особую окраску даже месту его подписания. Можно понять французов, которые выбрали для этого тот самый Зеркальный зал Версаля, где 18 января 1871 г. прусский король Вильгельм I был провозглашен германским императором. Этим Бисмарк унизил Францию и 28 июня 1919 г. Клемансо отплатил Германии тем же. Но это противоречило декларациям союзников о справедливом мире и лишь еще раз дало повод уязвленным немцам считать себя обиженными.

Не признание немцами своей исключительной ответственности за развязывание войны влекло за собой их отказ считать справедливым решение союзниками вопроса о репарациях. В данном случае морализаторский подход сослужил плохую службу победителям. Когда, например, Наполеон обязывал побежденную страну возместить т.н. «военные издержки», что означало ведение французами войны за счет врага, это воспринималось как должное: проиграл — плати. В 1807 г. в Тильзите побежденная Пруссия ожидала назначения выплаты «военных издержек» в сумме 19 млн., представитель Наполеона говорил о 33 млн., а император заявил: «Если можно требование возвысить до 200 млн..., если нельзя 200, то покончить на 154 миллионах» [13, 212].

Подобным образом поступила Германия в 1871 г. Боевые действия велись на территории Франции, немцы долгое время оккупировали наиболее развитые северо-восточные районы страны, выкачивая денежные и материальные ресурсы. В целом эта война стоила Франции 13 млрд. франков. Тем не менее, по Франкфуртскому миру Франция

обязана была выплатить до 1874 г. огромную сумму *контрибуции* в 5 млрд. франков. Главной гарантией выплаты Францией контрибуции была оккупация немецкими войсками части французской территории. Выпустив заем «освобождения» и взяв заграничные займы, Франция досрочно выплатила контрибуцию, с честью выйдя из ситуации национального унижения [14, 94 — 95]. В свете этой истории легко понять настойчивость французов в вопросе размеров и неукоснительности выплаты Германией репараций. Но при чем здесь заявленная победителями претензия на заключение справедливого договора, о котором, правда, Клемансо предпочитал говорить как о «мире на законном основании». В конечном счете немцы восприняли *репарации* как обычную *контрибуцию*, завуалированную разговорами о справедливости.

Крайне неудачной была и процедура исчисления размера и порядка выплаты репараций. В подписанном Германией тексте Версальского договора фиксировался лишь принцип определения размера репараций, но отсутствовала их точная сумма. Окончательно она была установлена на Лондонской конференции 1921 г. в размере 132 млрд. марок золотом.

В условиях послевоенных экономических трудностей выплата репарационных платежей первое время встретила глухое недовольство большинства немцев, которым пока что безуспешно пыталось воспользоваться зарождавшееся фашистское движение и коммунисты. Яростное массовое ощущение несправедливости репараций, с помощью которых, по мнению немцев, осуществляется экономическое удушение Германии, вспыхнуло лишь в 1923 г. События того года раскрывают главные методологические ошибки Версальского договора и во многом объясняют причины прихода Гитлера к власти.

Подобно тому, как немцы в 1914 г. оказались заложниками плана Шлиффена, послевоенная политика Франции была жестко привязана к положениям Версальского договора, осуществление которых всецело зависело от единства и сплоченности союзников. В нем было предусмотрено решение двух главных вопросов, волновавших Францию: безопасность и возмещение материального ущерба, от решения второго, в свою очередь, зависела выплата ею военных долгов США и Великобритании. Стоило немецкому канцлеру Вирту заявить летом 1922 г., что Германия приостанавливает выплату репараций за 1921 г., а Англии отказать в поддержке Франции, как премьер-министр Пуанкаре оказался перед выбором: или позволить Германии начать нарушение договорных обязательств, что при существовавшей тогда

общественно-политической ситуации в его стране было невозможно, или пойти на односторонние санкции, оказавшись в изоляции пред лицом Германии. Франция и Бельгия, основные получатели немецких платежей, приняли единственно возможное с точки зрения их интересов и формул Версальского договора решение — с целью принудить Германию продолжить выплату репараций они в январе 1923 г. ввели свои войска в Рур.

Этот «закономерный» с точки зрения Версальской системы шаг дал толчок целому ряду событий, которые в своей совокупности привели к окончательному падению немецкой марки. Начавшаяся в Германии гиперинфляция, явилась могучим катализатором нарастания чувства досады от упущенной победы, возмущения несправедливостью мирного договора, быстрой кристаллизации нового послевоенного поколения, которое с восторгом пойдет за Гитлером.

Очевидец фантазмагорической картины разрушения жизненного уклада немцев и глубочайшей психологической травмы нации свидетельствовал в 1939 г.: «Ни один народ не испытал того, что испытали в 1923 году немцы... Никто никогда не видел подобного всенародно-карнавального вертепа, когда не только деньги, но и вообще все ценности превращаются в ничто...Начало нового, 1923 года ознаменовалось новой волной патриотизма, почти как в 1914 году. Пуанкаре захватил Рурскую область...К концу 1922 года...за 1 доллар давали около 500 марок...И вдруг марка спятила...В августе доллар достиг миллиона... 10 миллионов, 100 миллионов» [4]. Американские деньги и внешняя политика Г. Штресемана вскоре привели к стабилизации ситуации в Германии, но 3 октября 1929 г. этот выдающийся немецкий государственный деятель умер, а 24 октября начался всемирный экономический кризис, который создал предпосылки прихода фашистов к власти, окончательного разрушения Версальской системы и сползания Европы к новой гражданской войне.

На фоне всех этих событий вопрос о репарациях и военных долгах между союзниками отступил на второй план, последняя попытка обязать Германию продолжить выплату репараций была предпринята в 1932 г. на конференции в Лозанне. В конечном счете «со своего долга... в 132 млрд. марок золотом...Германия выплатила всего 22 891 млрд. марок. Франция получила 9585 млн. марок. Ей самой пришлось обеспечить на 70% восстановление опустошенных войной районов» [15, 129]. Можно ли было в 1919 г. предвидеть подобный исход версальского метода послевоенного урегулирования жизни в Европе?

Да, считают многие, ссылаясь на выступления знаменитого английского экономиста Джона

Мейнарда Кейнса (1883 — 1946), особенно на его сенсационно-скандальную книгу «Экономические последствия Версальского договора», которая вышла в 1919 г. В этой работе Кейнс обобщил свои возражения против экономической части договора, которые он высказывал, являясь членом английской делегации на Парижской конференции.

В позиции Кейнса обращает на себя, прежде всего, одна деталь, которая заявлена во вступлении к книге, и под знаком которой автор осуществляет все свои рассуждения: «Эта книга написана под влиянием Парижа, а не Лондона; она написана человеком, который будучи англичанином по национальности, в то же время чувствует себя европейцем и который, под слишком живым впечатлением недавнего опыта, не может оставаться равнодушным зрителем разворачивающейся великой исторической драмы наших дней» [16, 3]. Пример Кейнса свидетельствует, что в его лице мы снова встречаемся с типом европейца, который мыслит не только национальными, но общеевропейскими категориями, подобно Э. Роттердамскому, аббату Сент-Пьеру, Б. фон Сутнер и другим. Такие люди были всегда в Европе, но они были уникальны и не оказывали влияния на умы государственных мужей. Случай с Кейнсом выходит за рамки этого привычного явления, вернее, сам феномен человека Европы приобрел новое качество. Во-первых, Кейнс принадлежал к английскому истеблишменту и уже тогда, за 17 лет до выхода его главной книги «Общая теория занятости, процента и денег» (1936), до того, как на основе его экономической теории Запад преодолел экономический кризиса, к его голосу прислушивались в Вашингтоне и Лондоне. Во-вторых, он стал одним из первых послевоенных представителей нового типа деятелей на общественно-политической арене Европы, которые сумели возвыситься над «священными национальными эгоизмами».

Кейнс, как немногие в его время, сумел преодолеть тот культурный лаг, который существовал между реалиями новой эпохи и степенью их субъективного осознания. Он многократно подчеркивал, что наступили совершенно другие времена, для которых экономические и политические решения XIX в. неприменимы. Как экономист и финансист, Кейнс констатировал уникальную и абсурдную ситуацию, сложившуюся ко времени работы Парижской конференции: «Война закончилась тем, что каждый оказался должен своему соседу огромные суммы денег. Германия должна громадные деньги союзникам; союзники должны громадные деньги Великобритании; а Великобритания должна громадные суммы Соединенным Штатам. Держатели военных займов в

каждой стране имеют получить большие суммы от государства; в свою очередь государство имеет получить большие суммы от тех или других плательщиков налогов» [16, 129]. Поведение в данной ситуации, основанное по старой традиции исключительно на национальных интересах, — предупреждал Кейнс, — приведет к экономическим потрясениям, разобьет союзников и толкнет Германию в объятия большевиков. В конечном счете это приведет к новой большой войне.

Выход английский экономист видел в том, чтобы свести к минимуму сумму германских репараций, простить все военные долги между союзниками и привлечь огромные финансовые ресурсы США в виде специальной кредитной программы реанимации европейской экономики при условии, если в сердце народов Европы место ненависти займут «надежды на счастье и согласие всей европейской семьи, тогда чувства уважения и сыновней любви могли бы побудить народ Америки отказаться от мелочных возражений и алчных выгод и завершить спасение Европы от самой себя...» [16, 132]. Время осуществления этой идеи придет в 1947 г. в виде плана Маршалла, с опозданием на 28 лет.

Пессимизм Кейнса относительно эффективности Версальской системы разделяли другие его современники. Так, в том же 1919 г. вышла книга француза Жака Бенвиля «Политические последствия мира», которая своим названием перекликается с книгой Кейнса, а содержанием дополняет ее. Автор считал, что «мирный договор был слишком мягок в своей жесткости», т.е. во всех отношениях ущемлял Германию, но ни по одному вопросу не доводил дело до конца, ограничиваясь полумерами. Несколько позже вышли книги двух бывших премьер-министров: итальянца Франческо Нитти («Вырождение Европы» и «Европа без мира») и француза Жозефа Кайо («Куда идет Франция? Куда идет Европа?»).

Авторы всех указанных работ довольно убедительны в своей критике Версальского договора, их мрачные прогнозы, увы, оправдались и к ним вполне применимо название книги Ж. Табуи, которую та издала в 1942 г. в США — «Они называли меня Кассандрой» («Ils l'ont appellee Cassandre»), т.е. Европа не восприняла их пророчества. Более того, эти мрачные пророчества, особенно получившая огромный резонанс книга Кейнса, были использованы американскими изоляционистами для аргументации отказа США подписать Версальский договор и их самоустранения из европейской политики.

Кассандру, как известно, даром предвидения наградила влюбленный в нее Аполлон, но не встретив взаимности, лишил ее пророчества веры

людей. А чем объяснить непонимание ведущими политиками Запада критики их действий со стороны современников? Думается, что это объясняется той системой политического мышления, которая нашла свое воплощение в послевоенном устройстве Европы.

Большинство европейских политиков продолжали придерживаться традиционной концепции европейского равновесия, согласно которой, если сила одного государства или группы государств не сбалансирована противоположной силой, то вся система отношений между государствами дезорганизуется и неизбежно ведет к войне. В течение нескольких веков в Европе возникали противовесы могуществу Голландии, Франции, Швеции, Пруссии — и всегда эта стратегия мира заканчивалась войной. Поэтому все усилия Франции подвести под мир в Европе силовую основу, прежде всего французскую, и максимально ослабить Германию не получили достаточной поддержки США и Англии.

Понимание ненадежности и кратковременности действия метода баланса сил требовало нового подхода к обеспечению мира, который к моменту окончания войны вырисовался в умах У. Филлимора, В. Вильсона и других как концепция коллективной безопасности, воплощенная в Лиге Наций. Но для того, чтобы международная организация подобного типа могла действовать эффективно, требуется выполнение ряда условий, прежде всего, способность ведущих государств-членов к компромиссному согласованию своих интересов и желание выполнять взятые на себя обязательства. Отсутствие в Лиге Наций США, неполноценное участие Германии и СССР, постоянные противоречия между Францией и Англией, изначально обрекали ее, как главный элемент системы коллективной безопасности, на неудачу.

В итоге Европа получила мир, основанный на моральных принципах, не подкрепленных надежными гарантиями, принцип коллективной безопасности заменил принцип европейского равновесия, вместо того, чтобы дополнить его. Блез Паскаль полагал: «Справедливость, не поддержанная силой, немощна, сила, не поддержанная справедливостью, тиранична. Бессильной справедливости всегда будут противоборствовать, потому что дурные люди не переводятся, несправедливой силой всегда будут возмущаться. Значит, надо объединить силу со справедливостью и либо справедливость сделать сильной, либо силу — справедливой... дабы отныне они выступали вместе и на земле водворился мир — величайшее из благ» [17, 160-161].

Но даже если бы европейским политикам удалось найти в 1919 г. оптимальный баланс

двух упомянутых концепций обеспечения мира, их решения получили бы юридическое закрепление в форме международных договоров между суверенными государствами, как это принято с древнейших времен.

И вот здесь-то неизбежно встает проблема добросовестного соблюдения государствами условий пусть даже самого оптимального договора. В общем виде задача решается согласно юридической формулы, которая на первый взгляд проста: соблюдение международных договоров покоится на древнейшем принципе гражданского права *pacta sunt servanda* — договоры должны соблюдаться. Но в жизни наиболее сложно осуществление именно самых простых истин, скажем, десяти заповедей. Ведь как казалось бы бесспорно и просто: «Не убий», «Не укради»... В истории международного права часто упоминается такой факт: «С 1500 года до н.э. по 1860 год было заключено «навечно» 8 тыс. мирных договоров, которые в среднем соблюдались и действовали не более чем два года каждый!» [18, 15].

Долгое время в принцип *pacta sunt servanda* вкладывалось преимущественно моральное содержание, его сила выводилась из естественно-правовой теории, о чем лучше выдающегося швейцарского международника Эмера де Ваттеля не скажешь: «Люди не были бы в безопасности и не общались бы друг с другом, если бы они не считали себя обязанными поддерживать доверие друг к другу и быть верными своему слову. Эта обязанность является такой же необходимой, как естественной и бесспорной, и в отношениях между нациями, которые живут вместе в естественном состоянии и не признают над собою на земле верховной власти для поддержания порядка и мира в их обществе» [19, 303].

Итак, главной гарантией соблюдения как морально-религиозных заповедей, так и законов государства является не страх перед неотвратимостью наказания в виде справедливого и беспристрастного суда, не печать общественного осуждения, а тот нравственный закон внутри нас, которым умилился Иммануил Кант. История дает бесчисленное количество примеров, что именно личные, династические, государственные интересы в первую очередь, а не моральные ценности и правовые обязательства, определяют отношения сторон к заключенным международным договорам.

Можно было бы написать интереснейшую историю **не** заключения международных договоров, **а** их подрыва и нарушения, как это сделал Фукидид по отношению к Никиеву миру (421 г. до н.э.). Этот мир, заключенный на 50 лет, принес грекам передышку после десяти лет изнурительной Пелопонесской войны, но сразу же начали

действовать факторы его дестабилизации. Зависть и коварство — в лице Алкивиада, который «...самой природой не созданный для покоя, в гневе на лакедемонян, относившихся к Никию с уважением и почтительностью, а к нему с пренебрежением и презрением, вначале открыто выступил и восстал против мира, но безуспешно» [20, 173]. Политическая недалёковидность и мелочность: «В течение шести лет и десяти месяцев стороны воздерживались от походов в земли друг друга, но за пределами своих земель они, среди ненадежного замирения, причиняли друг другу очень большой вред» [21, 20].

Не стал принцип *pacta sunt servanda* императивом и в последующие столетия. Прилежные последователи Н. Макиавелли в прошлом и настоящем не были бы сами собой, не применяя они его советы государю: «Излишне говорить, сколь похвальна в государе верность данному слову, прямотуше и неуклонная честность. Однако мы знаем по опыту, что в наше время великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдерживать данное слово и умел, когда нужно, обвести вокруг пальца; такие государи в конечном счете преуспели куда больше, чем те, кто ставил на честность» [22, 95-96].

Обычно в качестве примера длительного соблюдения международных соглашений называют международно-правовые акты Венского конгресса, в частности, Акт Священного союза, подписанный 26 сентября 1815 г. Австрией, Пруссией и Россией. В его параграфах декларировались обещания и обязательства монархов быть братьями, управлять народами как отцы семейств и т.д. Немецкий историк Оскар Егер иронизировал по этому поводу в конце XIX в.: «В сущности, это был пустой разговор, так как сам руководитель конференции, Меттерних, втайне относился к договору непочтительно, называя его пустословием (*verbiage*). Надо помнить, что значение в мире действительности этих слов о христианстве и братстве было то же, что «братство, свобода и права человека» в якобинском государстве» [13, 368 — 369].

Проблему обязательности соблюдения международных договоров необходимо рассматривать в двух аспектах: нормативном и объяснительном. В первом случае имеет место юридический подход, который выражен в постулате *pacta sunt servanda*, он является аксиоматичным, исходным в договорных отношениях между государствами. Во втором случае речь идет о выяснении обстоятельств и причин фактического соблюдения договоров, что обычно составляет предмет изучения историков, политологов и социологов. Как отмечал итальянский юрист-международник Дионисио Анцилотти,

в этом случае мы стремимся установить «...множество разнообразных оснований, в зависимости от условий времени и места, которые, в сущности, сводятся к наличию совокупности различного рода интересов и потребностей, вынуждающих государства соблюдать свои обязательства» [23, 80]. Добавим, или побуждающие государства не соблюдать свои договорные обязательства.

Как уже было рассмотрено выше на исторических примерах, «интересы и потребности» суверенных государств, заключивших договоры, весьма изменчивы и зависят от множества объективных и субъективных факторов. Поэтому очень часто возникает ситуация, когда договор перестает удовлетворять государство и оно его или нарушает или выходит из договора согласно юридической процедуры. К моменту Версальской конференции теория и практика международного права уже были готовы к обеспечению международного правопорядка даже в ситуации, когда изменившиеся обстоятельства делали какое-либо государство незаинтересованным в соблюдении взятых на себя договорных обязательств.

Для этого к принципу *pacta sunt servanda* стала применяться оговорка об изменившихся обстоятельствах (*clausula rebus sic stantibus*), которая охватывала все мотивы ревизии, пересмотра и прекращения договоров. Поскольку она влекла опасность создания правовой основы для практики одностороннего отказа от договоров, решение о допустимости применения *clausula rebus sic stantibus* должно было приниматься в каждом конкретном случае, государство само не вправе было освободить себя от договорных обязательств по собственной воле.

Практика применения *clausula rebus sic stantibus* к тому времени уже имела. Например, большую известность среди политиков и юристов-международников получила попытка России пересмотреть условия Парижского договора 1856 г., завершившего Крымскую войну.

19 (31) октября 1870 г. министр иностранных дел России А.М.Горчаков направил ноту правительствам государств, подписавших Парижский договор (Великобритания, Франция, Турция, Пруссия, Италия (Сардиния), в которой заявил об отказе России от тех статей данного договора, которые лишали ее флота и укреплений на Черном море. Основанием этого заявления была ссылка на изменившиеся обстоятельства и изначальную несправедливость условий договора. В связи с возражениями со стороны Великобритании, в 1871 г. в Лондоне была созвана международная конференция, на которой России удалось добиться согласия на изменения Парижского договора в ее интересах. Но в самом начале работы этой

Конференции был принят протокол, который косвенно осуждал самочинные действия России по одностороннему выходу из договора на основе *clausula rebus sic stantibus* и устанавливал общее правило: «Ни одна держава не может освободить себя от обязательств договора, ни изменить его постановлений иначе, как с согласия договаривающихся сторон, достигнутого посредством дружественного соглашения» [24, 263]. Этот принцип международного права получил всеобщее признание и был закреплен в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года [25, 69 – 99].

В статьях Версальского договора, непосредственно касавшихся Германии, возможность его пересмотра предусмотрена не была. Но в ст. 19 устава Лиги Наций, который был составной частью Версальского договора, было предусмотрено право пересмотра договоров: «Ассамблея может время от времени рекомендовать членам Лиги пересмотреть договоры, ставшие невыполнимыми, а также обсудить международную ситуацию, дальнейшее существование которой может поставить под угрозу всеобщий мир». Следовательно, став членом Лиги Наций и добившись международного признания своих миролюбивых устремлений, Германия вполне могла в новых политических условиях путем предусмотренных международным правом юридических процедур устранить несправедливые или утратившие свою актуальность элементы Версальского договора, принятого в атмосфере взаимной ожесточенности первого послевоенного года.

Таким образом, Версальский договор соответствовал в целом той системе политического мышления и международно-правовых разработок, которые существовали на момент его принятия. Критика в его адрес касалась отдельных аспектов, изменение которых не могло принципиально изменить версальскую систему. Поэтому многие авторы отмечают, что при наличии определенных субъективных условий, она могла обеспечить сохранение мира. В их числе, прежде всего, называется добросовестное отношение государств к своим международным обязательствам: «Главной причиной провала Лиги Наций в области сохранения мира явилась, конечно, политика господствовавших в ней держав, нежелание многих из них, прежде всего стран «оси», считаться со взятыми на себя обязательствами» [26, 163]. Подобный вывод можно было бы сделать по отношению к подавляющему большинству из тех 8 тыс. международных договоров в истории человечества, о которых речь шла выше. Но если несовершенство Версальского, или иного договора, сводить к человеку, природа которого не намного ближе к совершенству, чем тысячу лет назад, Ллойд Джордж

прав, снимая с творцов Версальской системы ответственность за фашизм и зарождение новой мировой войны: «Винить нужно не договоры, а тех, кто отказался от выполнения собственных торжественных обещаний и обязательств...» [2,26].

Поиск объяснения исторических событий в ментальности народов или культурно-психологических качествах государственных деятелей бесспорно является необходимым аспектом исторического исследования, такой подход очень плодотворен, если рассматривать историка как «пророка, предсказывающего назад». В таком случае, применительно к 20-30-м годам мы приходим к печальному выводу, что большинство европейских политиков, противостоявших фашизму и коммунизму, оказались или архаичны или ничтожны. Можно понять ситуацию, когда в условиях сталинской диктатуры предупреждения мужественных людей о слабости армии или готовящемся нападении Гитлера на СССР не могли быть услышаны. Но ведь в демократической Франции военно-политическое руководство агрессивно отвергло идеи Де Голля о роли танков в предстоящей войне и ненадежности линии Мажино («За профессиональную армию», 1934; «Франция и ее армия», 1938). В Великобритании, выступая в парламенте 5 октября 1938 г. под крики «Мир, мир!», У. Черчилль предупреждал в связи с Мюнхенским договором: «Я понимаю, чему так радуется наш народ, но думаю, что он должен знать правду. Мы потерпели жестокое поражение, еще не вступив в войну. И это не конец, а только начало, первый глоток из чаши, которую предстоит испить до дна...» [27, 67].

Итак, с одной стороны мы имеем Версальский договор и систему международных отношений, которая сформировалась на его основе. Существует обширная критическая литература, которая объясняет провал версальского метода обеспечения мира системными недостатками, которые были заложены в его основу.

С другой стороны, предыдущей точке зрения противостоит, но не отрицает ее полностью, мнение, что главную роль все же играли личные качества европейских политиков 20-30-х годов. Такое видение проблемы четко формулирует, например, современный французский историк Тьерри де Монбриаль: «...восхождение Гитлера к власти отнюдь не было неизбежным. Гораздо в большей степени, чем первая мировая война, война вторая явилась следствием повторяющихся ошибок... Нехватка мужества и отсутствие трезвого взгляда со стороны европейских, главным образом французских и британских, лидеров в решающие моменты... в гораздо большей степени, **нежели системные трудности** (выделено мной — В.П.), способствовали скатыванию Европы и

мира к пропасти» [28, 24]. А среди системных проблем Версальского договора Т. де Монбриаль считает главной ошибкой убеждение, «... что в 1919 году принцип коллективной безопасности должен заменить собой принцип равновесия, тогда как была необходимость в обоих, и на первом могла основываться легитимность второго» [28, 20].

Такую структуру решения проблемы причин краха версальской системы и второй в XX в. европейской катастрофы можно принять, если в нем содержится ответ на следующий вопрос: что делать, если не «вчера», а «сегодня» и «завтра» у нас нет людей политического масштаба и просто человеческой мудрости, подобных Де Голлю или Черчиллю? Как быть, если **сегодня** Европой и Украиной руководят «снорри»? Готовиться к констатации очередного культурного лага и несоответствия политиков вызовам современности? Или понять, оценить и попытаться мудро использовать систему единой Европы, которая зародилась после 1919 г. как альтернатива Версалию и каркас которой был построен поколением европейцев, сформировавшимся в огне Великой войны.

Но это возможно, если народы и политики будут понимать, что главная цель истории состоит в воспитании мудрости, способной к свободным и ответственным решениям.

Литература:

1. Бекер Ж.-Ж. Новое в изучении истории первой мировой войны во Франции/Ж.-Ж. Беккер//Новая и новейшая история. — 1999. — №2.
2. Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. В 2-х т. Т. 1. / Джордж Д. Ллойд — М: Изд-во иностранной литературы. — 1957. — 656 с.
3. Авдеев В. Право руля! / В. Авдеев — Режим доступа: www.zlew.ru
4. Хафнер С. Биография одного немца. Воспоминания 1914-1933 гг. / С. Хафнер // Иностранная литература. — 2002. — №2.
5. Табуи Ж. Двадцать лет дипломатической борьбы / Ж. Табуи. — М.: Изд-во иностранной литературы. — 1960. — 467 с.
6. Duroselle J. — В. La grande guerre des Français. L'incompréhensible. — Paris. — 1994. — 515 p.
7. Виноградов К.Б. Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. — М., 1994 (рецензия) // — Новая и новейшая история — 1995. — № 2.
8. Valéry P. Regards sur le monde actuelle. — Paris. — 1931.
9. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. / Р. Дж. Коллингвуд. — М.: Наука. — 1980. — 485 с.
10. Renouvin P. La crise européenne et la première guerre mondiale (1904-1918). — Paris. — 1969.
11. Тарле Е.В. Талейран. — В кн.: Талейран. Мемуары. / Е.В. Тарле. — М.: Изд-во и-та МО. — 1959. — 440 с.
12. Цит. по: Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И. История международного права / Ю.Я. Баскин, Д.И. Фельдман. — М: Международные отношения. — 1990. — 205 с.
13. Егер О. Всемирная история в четырех томах. Т. 4. Новейшая история / О. Егер. — СПб.: Специальная литература. — 1999.

14. Антюхина — Московченко В.И. Третья Республика во Франции. 1870-1918. / В.И. Антюхина — Московченко. — М.: Мысль. — 1986. — 488 с.
15. Дюрозель Ж.-Б. Історія дипломатії від 1919 року до наших днів / Ж.-Б. Дюрозель — К.: Основа. — 1995. — 903 с.
16. Кейнс Дж. Экономические последствия Версальского мирного договора / Дж. Кейнс. — М.: ГИЗ. — 1922. — 165 с.
17. Ларошфуко Ф. Максимы. Паскаль Б. Мысли. Лабрюер Ж. Характеры. — М.: И-во «Художественная л-ра». — 1974. — 543 с.
18. Талалаев А.Н. Право международных договоров. Действие и применение договоров.- М.: Наука. — 1985. — 296 с.
19. Де Ваттель Э. Право народов или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов / Э. Де Ваттель. — М.: Гос. и-во юридической литературы. — 1960. — 719 с.
20. Плутарх. Избранные жизнеописания. В двух томах. Т.2. / Плутарх. — М.: И-во Правда. — 1987. — 608 с.
21. Фукидид. История. В двух томах. Т.2. / Фукидид. — СПб: ТОО Пролог. — 1994. — 403 с.
22. Макиавелли. Государь / Макиавелли. — М. ЭК-СМО — пресс Харьков. — 1998. — 653 с.
23. Анцилотти Д. Курс международного права. Т.1. / Д. Анцилотти. — М.: И-во Правоведение. — 1961. — 444 с.
24. Курс международного права. В шести томах. Т.2. — М.: Наука. — 1967.
25. Международное право в документах. — М.: Юридическая литература. — 1982. — 208 с.
26. Морозов Г.И. Лига Наций: взгляд через полвека / Г.И.Морозов // Вопросы истории // 1992. — № 2 — 3.
27. Судьбы XX века. Уинстон Черчилль. — М.: АСТ пресс. — 1999. — 124 с.
28. Монбриаль Т.де. Память настоящего времени. / Т.де. Монбриаль. — М.: Международные отношения. — 1997. — 231 с.

Пищемуха В.Г. Bona vacantia Великої війни. — Стаття.

Анотація. У статті розглянуто деякі аспекти наслідків Першої світової війни, а також її історичні уроки. Автор робить акцент на вивченні об'єктивних і суб'єктивних передумов порушення стабільності міжнародних відносин і миру в Європі між двома світовими війнами, а також формує асоціативне розуміння зв'язку історії і сучасності.

Ключові слова: Перша світова війна, міжнародні відносини, проблема справедливості Версальського договору, проблема виконання мирних договорів.

Pischemukha V.G. Bona vacantia of the Great War. — Article.

Summary. Some consequences of World War I and their historical significance are considered in the article. The author focuses on the objective and subjective background of breaking the international stability and peace in Europe between the two World Wars and also gives associative comprehension of the connections between the history and modern world.

Keywords: World War I, international relations, the problem of fairness of The Versailles Treaty, the problem of performing peace treaties.